

⊗ Начало ⊗

Троллий замок Заалокский лес

Всадник влетел во двор Тролльего замка. Серый конь ронял хлопья пены на каменные плиты, стук его копыт разрушал чуткую тишину зачарованного места.

Ловко спешившись, молодой человек принялся водить коня по кругу, давая тому остыть.

Сам парень тоже был порядком разгорячен бешеной скачкой, фыркал и с шумом выдыхал воздух. В каждом движении угадывалось плохо сдерживаемое нетерпение.

Он был хорош собой: один только взгляд ярких васильковых глаз разбивал девичьи сердца. Да и в целом природа явно не поскупилась, выгачивая и создавая из расхожего набора черт благородный и мужественный облик.

Резким движением он рванул застежку бархатного плаща, подбитого драгоценным мехом барса, и без сожалений набросил роскошную вещь на спину своего скакуна, ласково похлопав того по шее.

Вскоре раздался топот копыт и ржание. Чуть ли не выбивая искры подковами, подгоняемые криками и свистом, влетели еще два коня. Их всадники были похожи, точно братья: оба кареглазы и рыжеволосы.

— Наконец-то! Я думал, мне придется тут ждать до вечера. Галард, Роберт, где вас тролли носили? — В голосе молодого мужчины явственно слышалась привычка командовать.

— Ваше величество! В сравнении с Танцующим любой конь — кляча. Не было шанса угнаться за вами.

Прискакавший первым действительно был королем Миравингии — одного из пяти великих государств людей. Он принял корону на поле боя, когда та упала с головы его отца — короля Хлодиона, убитого черной троллей магией. Юноша бесстрашно ринулся в бой и своим примером вдохновил воинов. С того сражения его стали именовать Этельредом I Отважным.

Король ухмыльнулся:

— Идем, Галард, посмотрим на нашу берлогу. Зря, что ли, мы отбили ее у проклятых нелюдей.

Он поручил Танцующего заботам Роберта и двинулся к дверям.

— Пойдите, ваше величество! — Галард замешкался, достал из седельной сумки сверток и очень аккуратно извлек из него золотой обруч с острыми зубцами.

— А, да, давай! Теперь можно зайти как полагается.

Король Этельред возложил корону себе на голову. Обруч плотно обхватил лоб и примял темные кудри. Теперь правитель походил на правителя, а не на разодевшегося солдата удачи.

Галард и Роберт не преклонили колени перед своим государем. Эти дворяне находились на особом счету и носили почетное звание «рыцарей рукава». Название пошло из старинного обычая: когда король появлялся перед своими подданными, двое рыцарей всегда стояли справа и слева, буквально касаясь рукавов королевского платья. Да и весь выезд в глушь был задуман, чтобы позволить себе вольности и уйти от протоколов.

— Если бы вы отправили слуг заранее, они бы все подготовили к вашему приезду, — сказал Галард, с сомнением глядя на мрачные каменные стены.

Но его величество лишь презрительно хмыкнул.

— Чтобы верховный маг прислал сюда своих прихвостней и соглядатаев под предлогом, что это место необходимо очистить от троллего колдовства долгими ритуалами с песнями и ночными бдениями. Нет уж! Я желаю поохотиться, желаю хорошенько повеселиться и не намерен терять время. Нам с тобой не привыкать к походным условиям, тем более я кое-что придумал и отправил сюда доверенных людей.

Галард вздрогнул. Он почувствовал укол раздражения: почему король ничего не рассказал о своей затее? Кому он доверяет больше, чем ему?

Мужчины налегли на тяжелые двери, которые долго не поддавались, словно в замке осталась неведомая призрачная сила, все еще противившаяся вторжению захватчиков.

Ровно год назад молодой Этельред пришел в эти леса с небольшим войском и разгромил троллей. Никто из защитников замка не выжил в кровавой бойне. Лестницы и полы стали красными и склизкими, вороны слетелись пировать и кружили такой огромной тучей, что их крылья застилали небо, поэтому ясный день казался сумрачным вечером.

Но таков был король Этельред в свои двадцать три года — неуправляемый воитель. Мечом и огнем он теснил магию и всяческое чернокнижие. Он отогнал нелюдей далеко от границ своего королевства, и вечные туманы отступили.

— Недурное место, — сказал король, оглядывая просторный холл с резными колоннами.

С потолка на непрощенных гостей взирали луны с человеческими глазами и пятиконечные звезды, а колонны были испещрены магическими символами колдунов-троллей.

— Не очень-то им помогли эти картинки. — Его величество презрительно сплюнул.

В глубине зала со скрипом отворилась дверь.

Галард немедленно обнажил меч.

— Кто здесь? — зычно крикнул он, выступая вперед и закрывая собой своего господина. — Именем короля, покажись!

— Его величество уже прибыл! — раздался мелодичный голос, и на свет вышла женщина. Яркие зеленые глаза казались огромными на фарфорово-белом лице. Длинные рыжие волосы были бесстыдно распущены. Впрочем, и наряд ее никак нельзя было назвать скромным. Роскошное платье из золотой парчи с облаком юбок и валенсианскими кружевами уместно смотрелось бы во дворце во время пышного праздника, если бы не одна пикантная деталь — декольте полностью открывало полные груди с дерзко торчащими сосками, покрытыми позолотой в тон парче.

— Мира! — Король со смехом отгеснил Галарда и пошел ей навстречу. — Все ли готово к нашему празднику?

— Да, господин, — ответила она и опустила в изящном реверансе.

Этельред окинул Миру голодным взглядом и повернулся к своему другу, который по-прежнему сжимал меч в руках.

— Я же говорил, что кое-что придумал, — и обратился уже к женщине: — Показывай, дорогая, насколько вы хорошо потрудились.

Она шла чуть впереди, элегантно поддерживая подол.

— Это же... — начал Галард.

— Да! Хозяйка лучшего борделя. Герцогиня среди шлюх, — громогласно возвестил Этельред. — И поверь, она куда расторопнее этих дворцовых негодяев, которые только и делают, что доносят о каждом моем шаге лордам, министрам и магам. Даже не знаю, кто гаже. Наверное, все-таки колдуны.

Галард промолчал. Он прекрасно знал, что о магах лучше не заикаться, если не хочешь испортить настроение королю. Тот мирился с ними как с неизбежным злом, поскольку их тайные умения бывали весьма полезны. Но король всегда больше полагался на силу железа, чем на древнее искусство.

Его величество со смехом подхватил миниатюрную Миру и закружил.

— Я решил хорошо отпраздновать свое решение жениться. Холостяцкая жизнь останется в прошлом.

Галард удивился:

— Долой старые привычки?

— Нужно сохранять приличия. Моя супруга будет королевой, — строго сказал Этельред. — Пора обзавестись законным наследником и позаботиться о продолжении династии. Хотя, думаю, это произойдет довольно скоро.

Галард хмыкнул. Двор был наводнен королевскими бастардами, а сколько их росло по землям, где Этельред бывал в походах, и не сосчитать. Сомневаться в мужской силе короля не приходилось. Ни одна девица или дама, благородная леди или простолюдинка не могла чувствовать себя в безопасности рядом с Этельредом. Его аппетиты казались неумны.

— Эти места вокруг замка были священны для наших врагов, а теперь я наводню замок лучшими шлюхами! — Ко-

роль возвысил голос. — Друг мой, здесь будет место, свободное от запретов и приличий! И тролли меня раздери, если мое слово не железно!

На солнце набежало облако, и в зале на мгновение резко потемнело.

— Твое слово твердо, милорд, — поспешно согласился Галард.

— Где там эти лентяи? Я что, мало плачу своим рыцарям, если они не могут купить себе добрых легконогих коней? Неужто они взяли мало трофеев в последнем походе?

Король уже был готов разозлиться, когда гулкие залы наполнились смехом и женским визгом. В зал ввалился Роберт с девицей на плече.

— Взгляни, твое величество, кто повстречался мне на пути. По всем признакам, охота будет доброй, — сказал Роберт и похлопал девицу по заднице.

Она взвизгнула и, взъерошив огненные волосы Роберта, что-то прошептала ему на ухо.

Гнев монарха, быстро вспыхнувший, так же молниеносно улетучился.

— Не трать на нее слишком много сил, Роб. — Король сделал неприличный жест, который никак нельзя было ожидать от монарха.

Девушка сползла на землю, цепко ухватила Роберта за рукав и увлекла за собой в глубину замка.

Король хмыкнул и посерьезнел:

— Веди, Мира.

Они дошли до большого зала. В исполинском камине пылал жаркий огонь. В центре стоял стол, ломившийся от кушаний: запеченный лебедь соседствовал с горой куропаток, фаршированных фруктами и орехами. Пара жареных кабанов в окружении бесчисленных сыров, различных паштетов, колбас и тяжелых гроздей винограда. На серебряных подносах лежал свежий хлеб. С первого и даже со второго и третьего взглядов было невозможно объять это изобилие.

Тяжелые кубки ждали, чтобы наполниться самыми изысканными винами, привезенными из отдаленных южных провинций.

Галард присвистнул.

Мира сдержанно улыбнулась, наблюдая за реакцией рыцаря.

— Я что-то не вижу... — начал Этельред.

Она быстро хлопнула в ладоши, и из-за бархатной занавеси, скрывавшей небольшую дверь, в зал вошел еще один человек, низкорослый, с землистого цвета лицом и цепким, темным взглядом. Он нес большую корзину, прикрытую полотенцем.

— Крысолов! — обрадовался король.

Крысолов поставил корзину на пол и склонился в почтительном поклоне. Он всегда сопровождал короля в походах и отвечал за провиант и комфорт его величества, а также выполнял разные деликатные поручения.

— Это оно?

— Да, ваше величество.

Галард силился рассмотреть, что же такое особенное находится в корзине. Он был не на шутку заинтригован. Король перехватил его любопытный взгляд, нагнулся и сдернул полотенце.

Орехи. Там оказались позолоченные орехи.

Монарший замысел все еще оставался непостижим для Галарда. И его растерянное выражение лица выдавало рыцаря с головой.

— Скоро все поймешь, — король улыбнулся и вновь сосредоточил свое внимание на убранстве зала. — А где стол для игры в ролтыу?

— В соседнем зале. Там все готово к игре: и карты, и фишки.

Король поспешил проверить.

Туар — столица Миравингии
Малый дворец Айль — резиденция верховного мага

Верховный маг был мужчиной грузным. Никто никогда не видел, чтобы он торопился или суетился. Он никогда не повышал голос, глаза его часто были полуприкрыты, и оттого складывалось впечатление, что верховный маг ленив и невнимателен.

Но мастер Бальтазар Тосса таким не являлся. Просто вся его энергия направлялась на работу разума и плетение интриг, в коих он был силен и искусен. Верховный маг только что совершенно невозмутимо выслушал весть о том, что на рассвете король покинул столицу в сопровождении двенадцати рыцарей.

— Ведет себя как мальчишка! Он не может вот так исчезать, без охраны! И просто не являться на совет, — бушевал магистр боевой магии Дагберт Хант.

Бледные щеки колдуна пожелтели, и на них ярко выступили красные прожилки.

— Он и есть мальчишка, — тихо сказал Бальтазар Тосса и поправил на груди семиконечную звезду — символ колдовства и его власти. — Но пока нет причин для беспокойства. Мне доподлинно известно, куда он отправился.

Верховный маг извлек из рукава мантии листок и протянул своему собеседнику. Тот пробежал глазами по строчкам и поморщился:

— Троллий замок — проклятое место. Король Этельред подвергает себя неоправданной опасности. Такой же безрассудный, как и его отец. Он не взял ни одного мага для охраны!

— Спокойнее, Дагберт, спокойнее.

— Меня удивляет, что, располагая этими сведениями, вы ничего не сделали, хотя могли бы его остановить.

Укор повис в воздухе.

— И отправиться в опалу? Нет, мой дорогой, это не входит в мои планы. Наш король всем сердцем ненавидит магию и магов как ее проводников. Мальчишка вспыльчив, импульсивен, с ним нужно быть крайне осмотрительным. Тем более неплохо, что король занят. В свете последних событий...

Лицо Дагберта искажилось, как если бы он откусил что-то кислое.

— Да, в этом смысле оно к лучшему. Никто не мог ожидать... эм... проявления столь сильного дара.

— Тоже мальчишка. Слишком горячая кровь, — верховный маг потер ладони, будто они озябли, хотя в комнате было тепло. — Хочу его увидеть! — его голос прозвучал неожиданно твердо.

— Как желаете, мейстер.

Бальтазар Тосса поднялся со своего места и бросил быстрый взгляд в окно.

Солнце заливало мощеную площадь, по которой сновали по своим делам горожане.

— Как ты думаешь, Даг, в скольких людях там внизу есть хоть малая крупица магии?

Магистр боевой магии тоже посмотрел на улицу и в раздражении пожал плечами:

— Может, у одного на тысячу.

— И это — крупица, которая никогда ни во что не разовьется ... Магов мало. Наше число ничтожно, поэтому мы должны бороться за каждую каплю магической крови. Особенно когда речь идет о таком потенциале.

— Потенциал потенциалом, но он же совершенно неуправляем.

— Возможно, методы убеждения были слабоваты.

Верховный маг неторопливо пошел к выходу.

— Если вы спросите мое мнение, мейстер, то ублюдка нужно казнить, — сказал Даг.

— Хорошо, что я не спрашиваю.

Путь до темницы они проделали в молчании.

Трудно поверить, что лишь четверть часа неторопливым шагом отделяла тепло и роскошь дворцовой жизни от ужасной тюрьмы. Верховный маг находил это весьма удобным. Он не любил бегать за своими врагами, предпочитая держать их, что называется, под боком.

Бальтазар Тосса с легкой усмешкой оглядел каменный пол, устланный месивом из сгнившей соломы и нечистот. Воздух был сыр и тяжел. Тут стоял дух безысходности и отчаяния.

Достаточно было царственного кивка, чтобы стражи отперли железную дверь. Тусклый, болезненно-зеленоватый свет магического светильника с трудом проник в непроглядную тьму камеры.

Как любил говаривать верховный маг: человек склонен стремиться к свету, но для этого некоторым нужно понять суть тьмы.

Пленник звякнул цепями и зажмурился, словно по глазам ударило яркое солнце.

— Здравствуй, Мадс, — сказал Бальтазар.

— Чтоб тебе сгореть, — судя по голосу, говоривший был молод, но разглядеть при столь скудном свете не представлялось возможным.

Магистр боевой магии небрежно шевельнул пальцами, раздался хлесткий звук удара, и парень забился в цепях.

— Следи за языком, когда к тебе, негодяю, обращается сам верховный маг Бальтазар Тосса!

Сам верховный маг никак не отреагировал на предпринятые воспитательные меры и продолжил чуть лениво и равнодушно:

— Итак, ты дважды сбежал из школы магов. Почему?

— Не нравится мне у вас, — в полутьме блеснула дерзкая улыбка.

— А нравится грабить на большой дороге и нападать на обозы. Понятно. Но зачем останавливаться на достигнутом? Мне сообщили, что ты с дружками пытался отбить у конвоя некую молодую особу, обладающую явным талантом к колдовству. Это привело к тому, что ты убил четырех стражей и серьезно покалечил двух магов. Перепугал горожан.

— Жалею, что они не сдохли. Твари, вы все твари! Бьянка ни в чем не виновата! — Цепи звякнули зло и отчаянно.

Маг слегка кивнул:

— Она скрывала свой магический дар. И вместо того чтобы служить своей стране, своему народу и королю, Бьянка использовала троллью магию, помогала девкам и дурным женам травить плод, а еще варила приворотные зелья. Как думаешь, тебя она тоже приворожила?

— Иди ты к троллям!

Молодой человек весьма красочно описал, в каких извращенных отношениях мать Бальтазара Тоссы состояла с троллями колдунами. Эта тирада снова была прервана Дагбертом Хантом.

На этот раз удар вырвал из груди Мадса крик боли и ярости.

Верховный маг выждал несколько мгновений, дабы удостовериться в том, что полностью завладел вниманием молодого бунтаря. По губам мага скользнула улыбка.

— Значит, это любовь всей твоей жизни. И ты, смотрю, настроился умереть с ней в один день. Это можно легко устроить. Я прикажу сначала казнить Бьянку и только потом тебя, чтобы ты полюбовался работой нашего палача.

— Она мертва. Ее нельзя убить.

Мадс то ли издал смешок, то ли всхлипнул.

— Жива. И даже почти здорова. Рана на груди только выглядела страшно, но мы же тут не в игрушки играем, а колдуем. Целители ее подлатали.

Мадс молчал, только слышалось его тяжелое дыхание. А маг продолжал:

— Немного обидно, мы все-таки потратили на девку время и силы, несколько амулетов и сильных снадобий, но ничего не поделаешь, ты не оставляешь мне выбора.

Молчание пленника сделалось опасным, и в общем зловонии тюрьмы начал угадываться новый запах: внезапно повеяло грозой и молниями.

Бальгазар Тосса вздохнул:

— Не трудись, твоя сила заблокирована. Ты не сумеешь разорвать цепи, как бы ни старался. Вот если б ты обучался магии, то действовал бы не так глупо. И я бы мог закрыть глаза на проделки этой твоей Бьянки. Но увы...

Камеру наполнил дым. Из груди Мадса вырвался отчаянный рык. Наручники, сковывающие его запястья, почти горели.

Верховный маг поднял руку, и его пальцы исполнили сложный магический пасс. Он не стал утруждать себя произнесением заклинания вслух.

Запах грозы исчез. Пленник закричал от дикой боли: прерванное заклинание обратилось против своего создателя, и раскаленное железо жгло его руки.

Дагберт тоже не бездействовал, попытка освободиться была подавлена. И несчастный безвольно повис на цепях, лишившись сознания.

— Я говорил, что он неуправляем. Тупое, необучаемое животное. Лучше его повесить, а эту Бьянку...

— Все прошло неплохо, — перебил его Бальтазар Тосса и приказал: — Отправьте к парню лекарей. Пусть приведут в порядок его руки. Мне он нужен целым и невредимым.

— Но он же опять сбежит!

— О нет, теперь он мой со всеми потрохами. Я поговорю с ним, когда он очнется, и поверь, из него получится хороший маг.

— Могу я узнать, откуда у вас, мейстер, такая уверенность?

«Потому что я сам был на его месте. Давно», — промолчал Бальтазар Тосса.

Глава 1

*Троллий замок
Заалокский лес*

За окнами Тролльего замка стояла бархатная ночь, а внутри все было золотым и алым от пламени многочисленных свечей. Длинный стол напоминал поле битвы: туши кабанов были наполовину съедены, обглоданные кости валялись на полу, лебедь превратился в жалкие объедки, скатерть заливали жирные пятна соуса, а лужицы пролитого вина сильно смахивали на кровь. Король Этельред пировал в окружении двенадцати доверенных рыцарей, которые благополучно добрались до Тролльего замка. И напрасно его величество ругал их за скаредность. Никто из них не жалел золота на покупку горячих и быстрых коней, но Заалокский лес бывает коварен. Его тропки и дороги извиваются, точно змеи, и стоит только отвлечься, как они приводят совсем не туда, куда хочется.

Да, король и его армия разогнали туманы тролльих колдунов, однако что-то осталось, неуловимое и живучее, тайное и враждебное. Эхо былого колдовства затрудняло дорогу.

Но если кто-то из рыцарей и вспомнил про магию по пути сюда, то эти мысли быстро развеяли пятьдесят самых дорогих шлюх королевства, которые теперь прислуживали за столом.

Этельред не шутил о своих намерениях превратить Троллий замок в женский дом. Тут уже были собраны красавицы на любой вкус. Король любил разных, и, главное, природой ему была дарована такая неиссякаемая сила страсти, какой просто не могло быть у обычного мужчины. Было в этом что-то колдовское.

Рыцари оценивающе поглядывали на девушек.

Тут были белолицые, голубоглазые северянки с лянными волосами, несколько черноглазых, смуглых и пламенных южанок с волосами мягкими и курчавыми, как руно. Девушка с примесью тролльей крови взирала на рыцарей золотистыми кошачьими глазами, подведенными черной краской, а на лбу и щеках у нее был вытравлен синий узор из звезд. Рыжеволосые прелестницы из холодной Илиании славились своим пылом и неутомимостью в любви. В коллекции короля были и две близняшки. Нежные, маленькие и гибкие, они развлекали собравшихся игрой на лютнях.

Мира зорко следила, чтобы ее подопечные были внимательны к рыцарям, и у мужчин не опустели кубки.

— За короля! За короля! — По залу прокатился дружный рев.

Этельред благосклонно кивнул.

Среди его рыцарей особенно выделялись трое.

Юный Ланс вошел в ближний круг короля недавно. Он ужасно гордился тем, что его взяли с собой на охоту, и изо всех сил старался «соответствовать» и не краснеть, когда его взгляд наткнулся на обнаженные груди Миры. Ланс отчаянно завидовал товарищам, которые, не стесняясь, тискали девиц и отпускали соленые шуточки.

Второго рыцаря, приковывавшего взгляд, звали сэром Думстангом. Он выглядел гигантом: грива черных волос рассыпана по плечам, карие, маленькие, как у медведя, острые глазки недобро смотрят на мир, а кулаки размером с голову ребенка. В его лапище кубок казался какой-то стопкой.

Третий на общем фоне выглядел чуть ли не стариком. Его волосы были совсем седыми, а лоб пересекали глубокие морщины. Он только смачивал губы вином во время здравниц и громких тостов да крошил корку хлеба на свою тарелку. В его тусклых болотных глазах не вспыхивал интерес, когда проходящая мимо девица игриво задевала его округлым бедром.

Он единственный не поддался всеобщему веселью. Это не укрылось от внимания короля, который поднялся со своего места и подсел к рыцарю.